

1. Общие подходы к комментарию на первый структурный аргумент

Существует два пересказа трактата Горгия «О не-сущем, или О природе» (далее – *ОНС*) – и Секста Эмпирика (*Adv. Math.* VII. 65ff (82 ВЗ DK)¹), и «О Мелиссе, Ксенофоне, Горгии» (*MXG V–VI*), которые выражают согласие в отношении крупных структурных аргументов трактата: *ОНС* включает в себя три части или три главных тезиса, которые Горгий стремится обосновать:

- а) ничто не существует;
- б) если оно существует, то непознаваемо;
- в) если познаваемо, то это знание непередаваемо другому.

Обе сохранившиеся версии пересказа *ОНС* содержат основательные различия в представлении горгиевской аргументации, и обычный вопрос для исследователей, рассматривающих обе версии – которую из них предпочесть для изложения и понимания замысла Горгия, коль скоро они различаются. Вместе с тем, обе версии демонстрируют определенное согласие в отношении первого структурного аргумента и показывают, что он строится вокруг вопроса, можно ли о сущем и не-сущем сказать, что они есть или не есть.

Также очевидно, что проблематика двух следующих структурных аргументов komponуется не вокруг вопросов существования или способов понимания сущего или не-сущего, а вокруг статуса воспринимаемых объектов. Это может говорить о том, что рассуждение, представленное в первом аргументе каким-то образом связано со статусом объектов восприятия. Тогда вопрос, который решается в этой части трактата – это не вопрос о наличии или отсутствии сущего и не-сущего как такового, а вопрос, который в контексте современных интерпретаций элейского вопроса («что подлинно существует?») звучит следующим образом: может ли глагол εἶναι, «существовать», предикцироваться феноменам непротиворечиво. При такой постановке вопроса видно, что различия в версиях *MXG* и *Adv. Math.* скорее кажущиеся.

Первый структурный аргумент, вероятно, является наиболее сложной для понимания частью горгиевского трактата в силу некоторых особенностей обсуждаемого в этом разделе предмета: существования и несуществования, способов их интерпретации, множества двойных отрицаний и проч., и именно в силу этих затруднений греческие конструкции с отрицанием мы будем передавать конструкцией «не-сущее (не-)есть», поскольку по нашему собственному мнению, Горгий также мог использовать языковую игру, усматриваемую в принципах построения отрицательных суждений в своей аргументации. Нашей задачей в этом разделе будет не столько рассмотреть все возможные интерпретации этого аргумента или все трудности перевода, сколько в целом определиться с основной канвой рассуждения и его

¹ Русский текст доступен в переводе А.Ф. Лосева в издании: Секст Эмпирик. Против ученых // Сочинения в двух томах. Т. 1 / Вступит. статья и перевод с древнегреч. А. Ф. Лосева. М.: Мысль, 1975. С. 73–77.

критикой, в качестве базовой интерпретации приняв интерпретацию Дж. Керферда², на которую и будем опираться далее, снабдив ее некоторыми дополнительными комментариями.

2. MXG979a11–980a8. Первый структурный (онтологический) аргумент³

§² Если не-сущее существует, оно либо существует вообще, либо, аналогичным образом, есть не-сущее ($\epsilon\acute{\iota}\ \tau\acute{o}\ \mu\eta\ \delta\upsilon\nu\ \epsilon\acute{\sigma}\tau\iota\nu\ \eta\ \acute{\epsilon}\sigma\tau\iota\nu,\ \acute{\alpha}\pi\lambda\acute{\omega}\varsigma\ \epsilon\iota\pi\epsilon\acute{\iota}\nu\ \epsilon\acute{\iota}\eta,\ \kappa\alpha\iota\ \acute{\epsilon}\sigma\tau\iota\nu\ \delta\mu\omicron\iota\omicron\nu\ \mu\eta\ \delta\upsilon\nu$). Однако же это и не очевидно, и не необходимо, и если из этих двух, сущего и не сущего, первое существует, то относительно этого первого истиной будет, что оно есть, но не относительно второго, так как сущее есть, (979b) |1| а не-сущего нет.

§³ Почему все же невозможно либо быть, либо не быть, почему не могут быть оба или один из двух? Ибо не-сущее, говорит он, если бы не-сущее, по его словам, было чем-то, также было бы сущим, но ведь никто не скажет, что не-сущее есть хоть каким-то образом.

§⁴ Но даже если не-сущее есть |5| не-сущее, из этого еще не следует, что не-сущее есть нечто не-сущее: ибо одно дело [сказать, что] есть не-сущее, и другое – что оно к тому же существует.

§⁵ Но даже если верным было бы сказать [о не-сущем] вообще, как-то пожалуй странно, что не-сущее есть. Но даже если и так, разве из этого более следует, что все не-есть скорее, чем есть? Ведь тогда вывод, кажется, получается в точности противоположный.

§⁶ Ибо если |10| не-сущее есть сущее и сущее есть сущее, тогда есть все, что угодно.

§⁷ Действительно, тогда существуют и сущие, и не-сущие, так как не следует с необходимостью, что если не-сущее существует, то сущее не существует ($\omicron\upsilon\kappa\ \acute{\alpha}\nu\acute{\alpha}\gamma\kappa\eta\ \gamma\acute{\alpha}\rho,\ \epsilon\acute{\iota}\ \tau\acute{o}\ \mu\eta\ \delta\upsilon\nu\ \acute{\epsilon}\sigma\tau\iota,\ \kappa\alpha\iota\ \tau\acute{o}\ \delta\upsilon\nu\ \mu\eta\ \acute{\epsilon}\acute{\iota}\nu\alpha\iota$).

§⁸ И даже если кто-то согласится с тем, что не-сущее существует, а сущее не существует, тем не менее, нечто все же останется: а именно, сами не-сущие, в соответствии с его же аргументом. Если |15| же сущее и не-сущее – одно и то же, то не более им бы следовало не-существовать, чем существовать. Ибо как он сам говорит, что если то же самое есть не-сущее и сущее, то сущее не-существует, как и не-сущее. Поэтому ничто не-есть, а если переставить позиции, равно можно сказать, что и все есть. Ведь и не-сущее есть и сущее, а значит есть все.

§⁹ |20| После этого аргумента Горгий утверждает, что если что-нибудь существует, то оно либо нерожденное, либо становящееся. Если оно нерождено, то и безгранично, в соответствии с принимаемой им аксиомой Мелисса, ведь безграничное

² Kerferd G. B. Gorgias on Nature or That Which Is Not / G. B. Kerferd // Phronesis. 1955. Vol. 1. No. 1. P. 3–25.

³ Наш перевод трактата приводится по тексту: Вольф М. Н. Трактат О не-сущем, или О природе Горгия в De Melisso Xenophane Gorgia, V–VI: Условно-формальная структура и перевод // СХОЛН. Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. Т. 8. Вып. 2. С. 152–169.

не существует где-либо. Оно не может существовать ни в себе, ни в ином, иначе тогда было бы два безграничных: находящееся в чем-либо, и то, в чем оно [находится]; |25| и, будучи нигде, оно есть ничто, в соответствии с аргументом Зенона о пространстве.

§¹⁰ [То, что хоть как-то существует] не есть поэтому нерожденное, и также не есть становящееся. В самом деле, ничто не могло бы возникнуть ни из сущего, ни из не-сущего. Ибо если сущее [возникнув,] изменилось бы, оно не было бы больше сущим, так и не-сущее, если возникло бы, оно больше не было бы не-сущим.

§¹¹ |30| И также не из чего невозможно возникнуть, кроме как из сущего. Ибо если не-сущее не существует, то ничто из ничего не возникнет; если же есть не-сущее, оно не могло бы возникнуть из не-сущего по тем же самым [причинам], по которым не могло бы возникнуть из сущего.

§¹² Если действительно что-то и есть, то оно необходимо должно быть или нерожденное или возникающее, поэтому и невозможно ему быть.

|35| Далее, если действительно что-либо есть, оно есть или одно, или многое, говорит он. Но если оно ни одно, ни многое, то оно есть ничто. <Оно не может быть одним, поскольку было бы чем-то бестелесным, как не имеющее величины, в соответствии с положением Зенона. Но если не существует одно, тогда не будет ничего; ибо если нет одного, то не будет и многого. Но если нет ни одного, 980a ни многого,> то ничего не существует.

§¹⁴ Точно так же, ничто не может двигаться (οὐδ' ἄν κινήθηναί), говорит он. Ибо если оно будет двигаться, оно не останется тем же, и сущее сможет стать не-сущим, и не-сущее сможет возникнуть.

§¹⁵ И еще, если оно движется, то оно передвигается, и если перемещается сущее, то, не будучи связанным, сущее прерывно и не является собой: |5| если движется повсюду [в каждой части], то повсюду делится [в каждой части].

§¹⁶ И если так, то оно все [=в каждой своей части] не существует. Ибо недостает существования там, говорит он, где сущее поделилось; он говорит «делится» вместо «пустоты», как это написано в так называемом рассуждении Левкиппа.

§¹⁷ Если нет ничего сущего, то, по его словам, все доказательства <вводят в заблуждение>.

3. Расхождения аргумента по двум версиям

В обеих версиях (MXG 979 а 12–13; *Adv. Math.* VII. 65) основные разделы или тезисы трактата излагаются вполне сопоставимо: ничто (не-) есть; (если/поскольку) есть, то непознаваемо; (если/поскольку) есть и познаваемо, не может быть передано другому. Также хорошо видно, что изложение трех главных аргументов представлено в виде аргумента матрешки, т. е. один тезис влечет другой, другой – третий, таким образом, это основной прием, который Горгий здесь использует наряду с апагогическим аргументом.

Секст komponует аргумент для первого шага «ничто (не-)есть» в соответствии с непосредственным образцом, который ясно сформулирован в *Adv. Math.* VII. 66: «если что-нибудь существует, то оно есть или сущее, или не-сущее, или сущее и не-сущее [вместе]», и далее показывает, что Горгий строго придерживается этой последовательности рассуждения при дальнейшем изложении аргумента. Сначала Горгий у Секста рассматривает допущение $\epsilon\acute{\iota}\ \tau\acute{o}\ \mu\eta\ \acute{\omicron}\nu\ \acute{\epsilon}\sigma\tau\acute{\iota}\nu$ (если не-сущее существует) и дает два аргумента против этого. Затем он переходит к следующему допущению $\epsilon\acute{\iota}\ \tau\acute{o}\ \acute{\omicron}\nu\ \acute{\epsilon}\sigma\tau\acute{\iota}\nu$ и рассматривает два аргумента против этого. Первый, – что если это так, то оно должно быть либо вечным, либо возникшим, либо и тем и другим одновременно; второй – оно должно быть либо одним, либо многим, и демонстрирует с использованием аргументов предшествующих философов, что ни одно из этих следствий не удовлетворительно. Далее он обсуждает «оба вместе» – $\epsilon\acute{\iota}\ \tau\acute{o}\ \acute{\omicron}\nu\ \acute{\epsilon}\sigma\tau\acute{\iota}\ \kappa\alpha\iota\ \tau\acute{o}\ \mu\eta\ \acute{\omicron}\nu$, – и делает доводы против этого допущения, и наконец, приходит к общему заключению по всем трем шагам: $\omicron\upsilon\delta\grave{\epsilon}\nu\ \acute{\epsilon}\sigma\tau\acute{\iota}\nu$ ⁴.

Последовательность в *MXG* отличается: автор сосредоточен в первую очередь на рассмотрении шага «оба вместе» – $\epsilon\acute{\iota}\ \tau\acute{o}\ \acute{\omicron}\nu\ \acute{\epsilon}\sigma\tau\acute{\iota}\ \kappa\alpha\iota\ \tau\acute{o}\ \mu\eta\ \acute{\omicron}\nu$, который у Секста завершает рассуждение, а здесь является структурообразующим. Анонимный автор *MXG* начинает свое изложение с общего рассмотрения аргументации первой части, где разделяет аргументы, которые он намерен разобрать, на две группы (979a13–24): собственный «специальный» аргумент Горгия, который никто до него не использовал, – рассуждая «о том, что не есть», Горгий доказывает, что не существуют ни сущее, ни не-сущее; вторая группа аргументов восходит к аргументам элеатов о немножественности и нерожденности, но также используется Горгием не для доказательства «сущего», а для доказательства «не-сущего».

4. «Специальное доказательство» Горгия

О том, что у Горгия было свое собственное доказательство, которое к тому же предшествовало в трактате доказательствам Мелисса и Зенона, т. е. шло первым по порядку, ясно из текста *MXG* 979a23–24: $\mu\epsilon\tau\grave{\alpha}\ \tau\eta\ \nu\ \pi\rho\acute{\omega}\tau\eta\ \nu\ \acute{\iota}\delta\iota\omicron\nu\ \acute{\alpha}\nu\tau\omicron\upsilon\ \acute{\alpha}\pi\acute{o}\delta\epsilon\iota\chi\acute{\iota}\nu$, $\acute{\epsilon}\nu\ \eta\ \lambda\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\iota$

⁴ Гомперц трактует весь первый аргумент в контексте очень личного отношения Горгия к своим предшественникам-элейцам, что вполне согласуется с его трактовкой радикального нигилизма Горгия, который должен был набрасываться на предшественников с резкой уничтожающей критикой. Он пишет: «Мы видели уже, что аргументация Горгия была главным образом, если не исключительно, направлена против элейцев. С особенным удовольствием он натравливает одного на другого двух младших представителей учения о бытии... Это опровержение одного из младших элейцев другим, во всяком случае, очень забавляло его, и возможно, что тут было замешано и личное чувство» (Гомперц Т. Греческие мыслители. Т. 1. С. 451–452). К сожалению, этот вывод не согласуется с теми свидетельствами о древних софистах, которые мы встречали у Исократы и которые подразумевают скорее последовательное развитие проблематики о количественном и качественном статусе начал и существующего вообще, чем уничтожающую критику. Также, исходя из формализации, хорошо видно, что Горгий использует не только аргументы элеатов, но и другие, в частности, атомистов и Анаксагора, но их пересказчики по именам не упоминают, и вероятно, поэтому и Гомперц ничего не пишет о том, что и их Горгий с большим удовольствием натравливает друг на друга. Скорее видно другое: вполне рациональное стремление исследовать все фигурировавшие в контексте данной проблемы доказательства и посмотреть, к чему они ведут, а именно, ко второму, и соответственно, третьему структурным аргументам.

ὅτι οὐκ ἔστιν οὔτε εἶναι οὔτε μὴ εἶναι, и из слов, которые заключают всю пятую главу – «таково его собственное (первое) рассуждение» (οὗτος μὲν οὖν ὁ αὐτὸς λόγος ἐκείνου) (979a33).

В анонсе первого аргумента Горгия автор *MXG* сначала говорит об использовании Горгием доказательств элеатов (Мелисса и Зенона) в своем рассуждении, а потом о включении в канву рассуждения собственного оригинального доказательства, что вполне совпадает с изложением структуры у Секста. Но в подробном разборе структуры доказательства он сначала обращается к собственному шагу Горгия с его последовательной критикой, и только затем пересказывает уже более известные рассуждения. Трудно сказать при подобных расхождениях в пересказах, какова была аутентичная структура доказательств в трактате.

Итак, собственный аргумент Горгия критикуется автором *MXG*, начиная со слов «Из сказанного вовсе не следует...» (Οὐδένα μὲν οὖν δε συμβαίνει ἐξ ὧν εἴρηκεν) (979a34–b19), и он резюмирует обсуждение собственной аргументации Горгия словами: «после этого аргумента Горгий утверждает...» (μετὰ δὲ τοῦτον τὸν λόγον φησὶν...) (979b20) и затем переходит к изложению аргументов, базирующихся на уже известных доказательствах Мелисса и Зенона о рожденном и нерожденном, едином и многом и аргументе о движении, которого нет у Секста.

Остановимся на «специальном доказательстве» Горгия и его критике в интерпретации Дж. Керферда⁵. Важно сразу отметить, что такая последовательность в изложении первого аргумента *MXG* по сравнению с *Adv. Math.* заставила О. Гигона и М. Унтерштейнера считать, что аргументы в изложении двух версий трактата кардинально различаются⁶. Они полагают, что «специальное» доказательство полностью совпадает с первым структурным аргументом, как он последовательно изложен у Секста: εἰ τὸ μὴ ὄν ἔστιν, εἰ τὸ ὄν ἔστιν и «эти оба вместе» – εἰ τὸ ὄν ἔστι καὶ τὸ μὴ ὄν. По их мнению, *MXG* представляет собой только доказательство раздела εἰ τὸ ὄν ἔστιν, и сделано это иначе, чем у Секста, – без необходимости обращения к аргументам о вечности или рожденности, единственности или множественности. Хотя они и упоминаются далее в *MXG*, но использованы только как вспомогательное средство, в качестве дополнительной иллюстрации, поскольку «специальное» доказательство оказывается более сильным и покрывает все доказательство полностью. У Секста же эти шаги представлены как существенные, и только с их помощью доказывалось εἰ τὸ ὄν ἔστι. Если эти авторы правы, то мы сталкиваемся с неразрешимой проблемой, на которую они и указывают: одна из версий пересказа полностью модифицирует сам оригинал трактата в этом разделе доказательства, и нет никаких указаний, какой из версий мог соответствовать оригинал; либо остается предположить, что трактат Горгия изначально бытовал в существенно различавшихся редакциях, одна из которых легла в основу пересказа Анонима, другая – Секста. Но, вообще говоря, по мнению

⁵ Kerferd G. B. *Gorgias on Nature or That Which Is Not* / G. B. Kerferd // *Phronesis*. 1955. Vol. 1. No. 1. P. 3–25.

⁶ Kerferd G. B. *Gorgias on Nature or That Which Is Not*. P. 6. Керферд полагает, что к этой мысли сначала пришел Гигон, а Унтерштейнер с ней согласился.

Керферда, такой проблемы нет, – автор *MXG* обратил внимание на то, что до Горгия никто из досократиков не использовал подобного аргумента, и решил его подробно рассмотреть.

MXG начинает разбор «специального» доказательства Горгия словами οὐκ ἔστιν οὐτε εἶναι οὐτε μὴ εἶναι (979a24) и снова дословно повторяет его в (979b1), это свидетельствует, что текст не испорчен. По мнению Керферда, возможны три разных перевода этой фразы, каждый из которых имеет свои трудности: 1) не существуют ни сущее, ни не-сущее. Таково наиболее общее истолкование и его можно считать традиционной интерпретацией; 2) ни сущее, ни не-сущее не могут существовать (высказывание включает модальность); 3) невозможно либо существовать, либо не существовать (по сути, обсуждение закона противоречия)⁷. Это третье значение, предложенное Керфердом, не получило поддержки в силу сомнительной концепции о том, что инфинитив без артикля не может выступать в качестве субъекта глагола в греческом языке, но тем не менее конструкции с инфинитивом после ἔστι регулярно используются в значении «возможно, что...». Очевидные параллели к этой фразе находятся у Парменида в не менее труднопереводимых фрагментах В 2.3 DK и В 6. 2–3: «как есть да и как невозможно не быть» (ὅπως ἔστιν τε καὶ ὡς οὐκ ἔστι μὴ εἶναι) и «то, что высказывается и мыслится, необходимо должно быть сущим» (ἔστι γὰρ εἶναι, μὴδὲν δ' οὐκ ἔστιν), и кажется, что Горгий не просто хорошо знал поэму, но держал строки Парменида перед глазами, когда писал эту часть доказательства. К сожалению, фрагменты Парменида не особенно помогают интерпретировать смысл сказанного Горгием, поскольку сами допускают различные толкования. Более того, Горгий не обязательно должен был выдерживать парменидовскую семантику, поскольку занимал по отношению к тому критическую позицию, и не исключено, что как раз и хотел продемонстрировать проблематичность или полисемантическую такого словоупотребления.

Структура «специального доказательства» включает в себя предпосылки и два аргумента. Тезис «невозможно либо существовать, либо не существовать» исходит из тройной предпосылки: (а) не-сущее есть не-сущее, (б) раз не-сущее хоть как-то есть, оно несколько не менее сущее, чем само сущее, (с) соединение первых двух и уточнение: если не-сущее и сущее есть, то они оба вместе существуют в соответствии с аргументом οὐ μᾶλλον (букв. «не менее», но чаще смысл этого аргумента можно передать фразой «не более то, чем это»).

В первой предпосылке Горгий использует смешение копулятивного и экзистенциального смысла «быть» (этот же аргумент приводит и Секст), что впоследствии анализирует Платон в «Пармениде» и что часто в духе Аристотеля называют логической ошибкой, коль скоро одно и то же слово используется в различных значениях. Можно по-разному трактовать использованный Горгием прием, либо считая что греки V в. до н. э. еще не различали семантики «быть», и поэтому «ошибка» Горгия была случайной, либо принимая этот прием за показательный

⁷ Ibid. P. 6–7.

софизм, но нам сейчас важно отметить, что он действительно используется в философской практике впервые, и если у Парменида мы находим скорее интуитивное употребление различной семантики «быть», то Горгий, очевидно, использует ее уже сознательно, выстраивая на этом целое доказательство. Во второй предпосылке он работает с хорошо известным в истории философии аргументом οὐ μᾶλλον. Зачастую его использование приписывают атомистам, в первую очередь Демокриту, и если отвечать на «левкипповский вопрос» положительно, то Левкиппу, причем считается, что атомисты не только использовали οὐ μᾶλλον, но и ввели его в оборот⁸. Это кажется несколько сомнительным, если учесть, что Демокрит был практически современником Горгия, а Левкипп, если он был реальной личностью, был учеником Зенона, и не исключено, что аргумент οὐ μᾶλλον уже в какой-то мере фигурировал у элеатов.

Кроме того, свидетельство об использовании этого аргумента атомистами принадлежит Аристотелю, который пишет буквально следующее: «А Левкипп и его последователь Демокрит признают элементами полноту и пустоту, называя одно сущим, другое не-сущим, а именно: полное и плотное – сущим, а пустое и (разреженное) – не-сущим (поэтому они и говорят, что сущее существует несколько не больше, чем не-сущее, потому что и тело существует несколько не больше, чем пустота), а материальной причиной существующего они называют и то и другое» (*Met. A 985b4 ff.*).

Дело в том, что этот же принцип истолкования материальных начал Аристотель использовал и в отношении Парменида, там, где излагая парменидовскую доксу и полагая ее собственной парменидовской космологией, считал, что Парменид в качестве начал использует два – свет и тьму или день и ночь, одно из которых признает сущим, другое – не-сущим. Мы же помним, что Парменид в доксе излагает «ошибки смертных» и указывает, что они приняли именовать два начала, одно из которых именовать не следует. С точки зрения Парменида, смертные строят свою речь и мышление на бинарном контрадикторном принципе, который автоматически ведет к ошибочным выводам, поскольку, если нечто мы принимаем в качестве *A*, тогда с необходимостью его противоположность мы вынуждены принять в качестве *не-A*, то есть признать некое феноменальное сущее не-сущим и тем самым встать на запретный для мышления путь. Аристотель же не придает этому моменту никакого значения и приписывает Пармениду нарушение собственной логики. Насколько это же рассуждение валидно в отношении атомистов, – это вопрос, поскольку признать, что тело и его отсутствие, и фактически то место, которое тело должно занимать, каким-то образом существуют, т. е. имеются в смысле наличия – это одно, а утверждение, что «пустота» существует тем же самым существованием – это совсем другое. Также ясно, что атомисты использовали понятие μὴ ὄν, но не факт, что они настаивали на его существовании в абсолютном виде, ἀπλῶς. Более того, судя по свидетельству Анонима,

⁸ Schofield M. Leucippus, Democritus and the οὐ μᾶλλον Principle: An Examination of Theophrastus “Phys.Op.” Fr. 8 // *Phronesis*. Vol. 47. No. 3. 2002. P. 253–263; DeLacy Ph. οὐ μᾶλλον and the Antecedents of Ancient Scepticism // *Phronesis*. Vol. 3. No. 1. 1958. P. 59–71.

специального доказательства существования не-сущего у атомистов не было, хотя бы потому, что этот пункт входит в личное новое доказательство Горгия. Как бы то ни было, он сам считает οὐ μᾶλλον сильным аргументом и также кладет его в основу доказательства.

На основании указанных предпосылок Горгий начинает доказательство, которое состоит из двух классических шагов, использующих два главных приема в аргументации: аналогию и полярность, или рассматривающих сущее и не-сущее как противоположные и как тождественные. Итак, каждое из этих доказательств предваряется гипотезой: а) если сущее и не-сущее не одно и то же, а противоположности, то, на основании предпосылок, сущее не существует. Здесь Горгий использует полярность как принцип аргументации и отсылает нас к аргументу «противоположения»⁹. Потом его будет использовать Аристотель, и как мы видели, именно на нем основывает свою интерпретацию атомистов и парменидовской доксы; б) второе доказательство несуществования сущего осуществляется с помощью аналогии, через тождество: не-сущее и сущее одно и то же, и тогда если не-сущее не существует, то и сущее не существует.

Все это доказательство выглядит не слишком корректным. Мы могли бы ожидать, что после тезиса «невозможно либо быть, либо не быть» Горгий станет искать какую-либо возможность для одной из установленных альтернатив и рассуждать в духе «если сущее существует, то» или «если существует не-сущее, то» с выводом в стиле выбора одной из обоснованных альтернатив или отбрасывания ложных гипотез, отвергая все, что не соотносится со здравым смыслом и очевидными вещами. Но в действительности, – и здесь также чувствуется влияние Парменида, – Горгий не ставит во главу угла самоочевидность (например, тезиса «сущее существует») или здравый смысл (на основании которого явно ложно то, что «сущее не-существует»). Мы видим в рассуждении нечто иное, и именно в этом традиционная интерпретация сталкивается с очень серьезным возражением. Рассматриваемый аргумент в допущении превращает себя в нонсенс: он не только не делает необходимого заключения, но приходит к совершенно противоположным выводам, чем те, которых следовало бы ожидать¹⁰. Обычно, если аргумент приводит к ложным выводам, он отбрасывается или пересматривается и отбрасывается исходная гипотеза, но Горгий поступает иначе: он продолжает развертывать рассуждение по принципу «матрешки», словно бы решая

⁹ О полярности как типе аргументации см.: Вольф М.Н. Основания аргументации в раннегреческой философии: полярность как тип аргументации // Вестник НГУ. Серия: Философия (Сибирский философский журнал). 2010. Т.8. Вып. 4. С. 112–118. Аргумент от противоположения (τὸ ἀντικείμενον) сходен с аргументом от корреляции, касающимся контрарных понятий: имеются парные понятия, которые нельзя мыслить по отдельности, такие как добро и зло, свет и тьма, зима и лето и проч. (см.: Герасимова И. А. Проблема добра и зла (дуалистическая и холистическая модели аргументации) // Мысль: журнал петербургского философского общества. 2006. Т. 6. Вып. 1. С. 98). Ср. с платоновскими великими родами: тождественное и иное, движение и покой, единое и многое. Горгий строит рассуждение так, как если бы задействованы были контрарные, а не контрадикторные понятия, где возникновение (уничтожение) одного влечет уничтожение (появление) другого, хотя в случае с «быть» и «не-быть» этого происходить не должно.

¹⁰ Kerferd G. B. Gorgias on Nature or That Which Is Not ... P. 8.

посмотреть, к чему же мы придем даже с учетом того, что нам придется пройти это рассуждение через заведомо ложные (с точки здравого смысла, но не с точки зрения развертывания доказательства) шаги.

Итак, на уровне предпосылок было видно, что все существует, и сущее, и не-сущее, а перейдя к доказательствам, мы получили, что не существует ни одно, ни другое. Уже на уровне первой гипотезы, когда мы впервые пришли к выводу, что сущее не существует, и установили явное противоречие со здравым смыслом, можно было бы остановить доказательство, и *a contrario* согласиться с предпосылками. Но Горгий продолжает доказательство, проверяет все варианты и в результате из допущения, что сущее и не-сущее тождественны, тоже выводит, что сущее не существует, как и не-сущее. При этом, хорошо видно, что вывод, к которому должен был прийти Горгий, может быть только один, тот, что соответствует предпосылкам: все существует, но он, как ни странно, и если верить автору *MXG*, делает другое заключение: не существуют ни сущее, ни не-сущее (979a24).

Собственно на этом моменте основывает свою критику автор *MXG*, которому очевидно, что этот аргумент должен завершиться признанием существования всего, «все существует», хотя бы по тому же самому принципу οὐ μᾶλλον, поскольку, «развернув» доказательство в другую сторону, мы сравным успехом получаем обратный горгиевскому вывод, что все существует. Но на наш взгляд, важно помнить, что рассуждение еще не окончено (если не брать во внимание свидетельство Секста, где данное рассуждение идет последним пунктом, как и в анонсе): Горгий еще не озвучил свой главный тезис οὐδὲν ἔστιν, амбивалентный в силу неоднозначного перевода двойных отрицаний. Эта амбивалентность допускает провокативный и уничтожающий для парменидовской системы тезис: *не-что-то существует в качестве отсутствия чего-бы-то-ни-было*, раз мы только что обсуждали это, смогли об этом что-то сказать, а тем самым и помыслить.

Важно остановиться на еще одном моменте: судя по тому, что говорит о трактате автор *MXG*, речь у Горгия должна идти о феноменальном сущем, и это хорошо будет видно во втором и третьем структурных аргументах, такое положение еще раз показывает, что все рассуждение имеет под собой гносеологическую подоплеку. Пока в первом аргументе эта интенция не бросается в глаза явно, и все рассуждение, на первый взгляд, выдержано вполне в парменидовском духе, но местами по тексту встречаются маркеры, которые призваны сразу же на первом этапе правильно нас сориентировать: Горгий не говорит о существовании как абсолютном предикате, как о максимально отвлеченной и спекулятивной характеристике мыслимого, он говорит о том, что содержит этот предикат: о вещах или о «делах», τὰ πράγματα (979a27). К сожалению, эту строку сложно рассматривать как прямую цитату из Горгия, – слово φησὶν, «он говорит», которое можно рассматривать как маркер прямой цитаты, аноним употребляет только в следующем предложении, но что важно, этот момент согласуется с последующими шагами аргументации и подтверждает наш исходный тезис о базовой гносеологической ориентации Горгия.

Итак, если мы отходим от максимально абстрагированного уровня рассуждения Парменида и возвращаемся к вещам, то о них мы бы сказали, ориентируясь на некоторый уровень здравого смысла, что некоторые вещи есть, некоторых нет (забегая вперед горгиевского рассуждения, например, море и морская пучина подлинно существуют, а вот Сцилла и Химера, скорее всего, не существуют; сражение на колесницах – обычная практика, а морское сражение на колесницах – невозможно). Но Горгий утверждает, что ни того, ни другого и уж тем более обоюдного нет. На этот вывод направлена критика Анонима в следующей главе *MXG*.

5. Критика у Анонима «специального доказательства» Горгия, базирующегося на «копулятивной предпосылке»

Итак, автор *MXG* переходит к собственной критике «специального аргумента» Горгия, начиная ее словами: «Из сказанного вовсе не следует, что *не-что-то существует*» (οὐδαμόθεν δὲ συμβαίνει ἕξ ὧν εἴρηκεν μηδὲν εἶναι). Цель «специального доказательства», как мы помним, состояла в том, чтобы доказать, что «не существуют (или невозможны) ни сущее, ни не-сущее», но почему же критицизм направлен на несколько другой тезис, μηδὲν εἶναι? Свет на это может пролить *Adv. Math. VII. 76* и предшествующее рассуждение о несуществовании обоюдного («и того, и другого вместе»), т. е. того, что одновременно и сущее, и не-сущее (это подкрепляет тезис о том, что «специальное доказательство» посвящено доказательству невозможности быть и не-быть).

В структуре первого аргумента в *Adv. Math.* первый шаг доказывает несуществование не-сущего, второй – несуществование сущего (в доказательстве чего используются известные аргументы элейцев), а третий шаг – обоюдного: «А что не существует и обоюдное, сущее и не-сущее – это тоже легко понять» (ὅτι δὲ οὐδὲ ἀμφότερα ἔστιν, τό τε ὄν καὶ τὸ μὴ ὄν, εὐεπιλόγιστον) (*Adv. Math. VII. 75*), а это собственно и есть «специальное доказательство» Горгия, в результате которого становится ясно, что обоюдное – сущее и не-сущее одновременно – невозможно. В качестве вывода по этой «специальной» части доказательства Горгий провозглашает μηδὲν εἶναι, а уже по всем трем шагам аргументов, что οὐδὲν ἔστιν.

В чем же состоит критика «специального доказательства» в *MXG*? Ее автор последовательно и старательно опровергает все шаги аргумента Горгия, показывая, что все они нерелевантны, и начинает с опровержения предпосылок.

Мы помним, что Горгий в начале доказательства допускает явный софизм, смешивая копулятивную и экзистенциальную семантику «быть», считая, что если можно сказать, что «не-сущее есть не-сущее», то оно хоть как-то есть. Автор критики первым делом обрушивается на этот шаг аргументации.

В первую очередь Аноним начинает с опровержения предпосылок и обнаруживает подмену копулятивного смысла экзистенциальным. Собственно, все опровержение строится на обсуждении возможности такой подмены

и демонстрируется, что если исходным пунктом доказательства окажется эта подмена смыслов, то и любой его шаг окажется не валидным.

В каком смысле не-сущее существует, задается вопросом Аноним. И отвечает: если не-сущее существует (или не-сущее возможно), то такое существование может быть двояким. Прежде всего, о нем можно просто сказать так же как и о сущем, что оно есть. Это указание на использование экзистенциальной семантики «быть», когда, кроме существования, об объекте ничего не утверждается (V.1.a). Очевидно, говорит Аноним, что если об объекте «не-сущее» утверждается, что он существует, то высказывание ложно. Что касается второй возможности, когда утверждается, что «не-сущее есть не-сущее», то здесь используется копулятивная семантика «быть», но Горгий придает ей значение существования. Что именно он делает? Когда мы произносим высказывание «Кербер есть трехглавая собака», мы не имеем в виду, что этим подтверждается такое положение дел, при котором собака Кербер действительно существует. Задача связочного глагола в другом: «существование» в этой фразе связывает субъект с предикатом логически, но не указывает на действительность и на истинное положение дел. Горгий смешивает эти два уровня, и получается, что коль скоро не-сущее есть не-сущее, то оно хоть каким-то образом есть. Аноним отвечает, что даже если же мы подразумеваем за этим некую действительность или положение дел, т. е. признаем, что не-сущее действительно есть, то мы в любом случае должны считаться с тем, что (V.1.b) не-сущее, хотя оно и есть, существует каким-то отличным от реального и истинного существования способом. Он будет не подлинным, а само существование явно отлично от существования сущего, поскольку не-сущее только подобно сущему в таком роде существования, а в действительности – Аноним возвращает Горгию используемый им далее аргумент противоположения – сущее и не-сущее контрадикторны. Это очень любопытный момент «на опережение» аргумента, поскольку именно на этом же самом основании Горгий опровергнет свои «копулятивные» предпосылки на первом шаге специального доказательства. Но Аноним здесь предъявляет претензии не столько Горгию, сколько вообще аргументам, построенным на смешении копулятивного и экзистенциального смысла: рассуждение, построенное таким образом, не очевидно и не необходимо, поскольку одно из двух существует истинно – «собака существует», здесь несомненный экзистенциальный смысл, поскольку на феноменальный объект высказывания можно указать, а другое – не истинно, поскольку Кербер феноменально не существует.

Далее Аноним переходит к собственно опровержению «специального» доказательства, «Почему все же не есть ни сущее ни не-сущее и почему не оба или один из двух не есть?». В первую очередь (2) он апеллирует к здравому смыслу, к очевидности: не есть не-сущее просто потому, что никто не согласится, что не-сущее есть. Но если допустить (3), что не-сущее могло бы быть чем-то, например, быть «чем-то не-сущим» (быть Кербером), то здесь как раз работает то самое опровержение тождества копулятивного и экзистенциального смысла, которым Аноним предварил все рассуждение: одно из них существует актуально, другое – каким-то неподлинным

образом, а значит, и тождества этих двух существований нет, принципы их существования различаются (как в случае с Парменидом мы различали «существовать в качестве Пенелопы» и «существовать в качестве Одиссея»; но там различались виды существования (и это дало нам возможность говорить о введении предикационной семантики «быть»), а оно само признавалось принципиально тождественным; здесь же и само существование различается, иными словами, это «есть» мы тоже должны понимать по-разному»).

Следующий шаг опровержения (4) основан на допущении тождества копулятивного и экзистенциального смыслов («как же это странно, сказать, что не-сущее есть!») – восклицает Аноним, пораженный ходом рассуждения Горгия) и демонстрирует, что в этом случае οὐ μᾶλλον «работает» не так, как ожидалось: консеквент становится противоположным, что меняет и весь вывод, – раз не-сущее есть, то и сущее есть, а значит и вывод – с учетом тех же самых аргументов, которые использует Горгий – должен быть противоположным, а именно все есть существующее.

Далее идет опровержение (5) доказательства по полярности (противоположению): если мы допустили, что сущее и не-сущее противоположности и что не-сущее существует, то это не влечет не существования сущего, поскольку в любом случае лежащая в основании всего нашего доказательства подмена копулятивного смысла экзистенциальным требует признания тезиса, что «хоть что-то хоть как-то существует», а значит, и сущее должно хоть как-то существовать.

И наконец, на последнем шаге опровержения (6), доказательства по аналогии, по признанию тождества с использованием аргумента οὐ μᾶλλον, Аноним показывает, что у Горгия следовало, что все не более есть, чем не-есть, а значит, все не-есть, но опять-таки, если мы применяем тезис «хоть как-то есть», то и здесь οὐ μᾶλλον снова играет в нашу пользу: все не более не-есть, чем есть, а значит, все есть.

Важно отметить, что все это доказательство Горгия выглядит таким образом, что его с любого шага можно продолжить в духе *a contrario* и прийти к совершенно противоположным выводам, чем те, что были озвучены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вольф М. Н. Трактат *О не-сущем, или О природе Горгия* в *De Melisso Xenophane Gorgia*, V–VI: Условно-формальная структура и перевод // СХОЛН. Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. Т. 8. Вып. 2. С. 152–169.
2. Вольф М.Н. Основания аргументации в раннегреческой философии: полярность как тип аргументации // Вестник НГУ. Серия: Философия (Сибирский философский журнал). 2010. Т.8. Вып. 4. С. 112–118.
3. Герасимова И. А. Проблема добра и зла (дуалистическая и холистическая модели аргументации) // Мысль: журнал петербургского философского общества. 2006. Т. 6. Вып. 1.

4. Гомперц Т. Греческие мыслители. Мн.: Харвест, 1999.-Т.1.
5. Секст Эмпирик. Против ученых // Сочинения в двух томах. Т. 1 / Вступит. статья и перевод с древнегреч. А. Ф. Лосева. М.: Мысль, 1975. С. 73–77.
6. DeLacy Ph. οὐ μᾶλλον and the Antecedents of Ancient Scepticism // Phronesis. Vol. 3. No. 1. 1958. P. 59–71.
7. Kerferd G. B. Gorgias on Nature or That Which Is Not / G. B. Kerferd // Phronesis. 1955. Vol. 1. No. 1. P. 3–25.
8. Schofield M. Leucippus, Democritus and the οὐ μᾶλλον Principle: An Examination of Theophrastus “Phys.Op.” Fr. 8 // Phronesis. Vol. 47. No. 3. 2002. P. 253–263.